

Цзи Сяочуань застыла в изумлении.

Она и представить не могла, насколько близки Ли Жун и Цэнь Сяо. Последний совершенно спокойно кормил Ли Жуна, а тот, если ему что-то не нравилось, выплёвывал еду без малейших раздумий — и Цэнь Сяо ни капли не сердился.

Похоже, слухи бессовестно ввали: Ли Жун вовсе не был холодным и неприступным гордецом, а его спутник — безрассудным тираном, помыкающим всеми вокруг. Такой крепкой мужской дружбе можно было только позавидовать.

Ли Жун тоже заметил: пока они обсуждали Ли Байшоу и Лю Таньчжи, Цэнь Сяо только и делал, что подкладывал ему еду, сам не съев ни кусочка.

— А ты почему ничего не ешь? Давай, попробуй! — Ли Жун намеренно подцепил палочками стебель сельдерея из общего котелка и положил в тарелку Цэнь Сяо, после чего невинно захлопал глазами.

Юноша едва слышно хмыкнул. Он взглянул на ярко-зелёный, лоснящийся от масла овощ и с совершенно невозмутимым видом отправил его в рот. Ему просто не нравился вкус, но это не значило, что он не может это съесть. Цэнь Сяо вырос в суровых условиях и не страдал от капризов и излишней разборчивости, которые были присущи Ли Жуну.

Проглотив сельдерей, он негромко пробормотал:

— Никакой благодарности.

Цзи Сяочуань всё поняла: морковь была тем, что терпеть не мог Ли Жун, а сельдерей — тем, что не любил Цэнь Сяо.

— Вы... вы оба знаете, что другому не нравится? — робко спросила она.

Это казалось таким трогательным — она и подумать не могла, что парни могут быть столь внимательны к подобным мелочам.

В глазах Цэнь Сяо на мгновение промелькнуло странное выражение, и он кратко бросил:

— Столовая.

Ли Жун ответил почти одновременно с ним:

— Вместе обедали в столовой.

Цзи Сяочуань растерянно кивнула и тихо добавила:

— А мне... мне почти всё нравится.

Ли Жун улыбнулся и пододвинул к ней тарелку с говядиной и морковью:

— Тогда ешь побольше.

За обедом они провели больше двух часов. Цзи Сяочуань успела заметить, что Ли Жун не просто разборчив в еде — у него ещё и плохой аппетит: даже если блюдо ему нравилось, он съедал всего пару кусочков. Цэнь Сяо же был всеяден. Сама Сяочуань наелась так, что в неё не влез бы и глоток воды.

— Если хочешь... если нужно узнать побольше о том профессоре, я могу спросить у мамы, — предложила она.

Ли Жун, зная обстановку в её семье, не хотел подвергать девушку риску:

— Лю Таньчжи скрывает всё очень тщательно, твоя мама вряд ли что-то заметит. Лучше не предпринимать лишних действий, не хочу спугнуть зверя раньше времени.

Цзи Сяочуань пришлось согласиться. Она не знала до конца, что именно задумали юноши, но понимала: это нечто крайне важное. Ей было приятно, что она смогла помочь, пусть даже эта информация была связана с её собственными болезненными воспоминаниями.

После обеда Цзи Сяочуань решила вернуться домой. Все её вещи оставались там, и как бы ни пугала её перспектива столкнуться с беспричинным гневом матери, у неё не было выбора. Тупик, в котором она оказалась, всё ещё давил на плечи, но внутри что-то изменилось.

Раньше её мир казался сплошной тьмой, но теперь, с приближением экзаменов и знакомством с Ли Жуном, она почувствовала, как в этой тьме появилась трещина, сквозь которую пробился свет. Её страдания по сравнению с тем, что пережил Ли Жун, казались не такими уж невыносимыми, а ведь он находил в себе силы жить и надеяться.

У неё появилось предчувствие, что её личный ад подходит к концу. Как только она станет совершеннолетней, поступит в Университет А и покинет дом, жизнь наполнится смыслом и светом.

***

В понедельник Цзянь Фу бесцеремонно отпихнул того, кто сидел перед Цэнь Сяо, и сам плюхнулся на стул.

— Этот формальный раут для своих? Да нормальный человек туда и под дулом пистолета не пойдёт! — громко возмутился он.

Парень сказал это так громко, что его услышала добрая половина класса. Даже Цуй Минъян обернулся и посмотрел на него с явным одобрением. Тот был прав: эта ежегодная встреча была мероприятием, от которого воротило всех посвящённых.

Компании-партнёры, сотрудничающие с «Хунсо», не входили в Объединённую торговую палату «Ланьшу», поэтому обе стороны годами строили друг другу козни. В обычное время они даже не пытались делать вид, что ладят, но на этой встрече обязаны были изображать радушие и полную гармонию. Даже такой человек, как Цзянь Вэйдэ, который при упоминании Ху Юймина заливался бранью, на приёме должен был с улыбкой чокаться с ним бокалом и рассыпаться в комплиментах его «выдающемуся вкладу» в науку. Для Цзянь Вэйдэ с его характером это было самым тошнотворным заданием из всех возможных.

Ли Жун всегда терпеть не мог шумные и лицемерные сборища. Ли Цинли и Гу Нун несколько раз пытались уговорить его пойти, но он неизменно отказывался. Поэтому на самом деле он никогда не видел, насколько унылыми бывают эти встречи.

Парень принялся расписывать всё в красках:

— Там выносят запечённую индейку, и представители «Хунсо» и «Ланьшу» должны вдвоём разрезать её пополам. Это типа символизирует примирение. По традиции каждый должен подойти и съесть по кусочку. Знал бы ты, какая это гадость — сухая и пересоленная.

Он скривился, продолжая:

— А потом приходится таскаться за родителями и, как заведённый, чокаться с людьми, которых ты в глаза не видел, и желать им всяких благ. При этом ты ни в грош их не ставишь, и по их глазам видишь, что они о тебе того же мнения. Как будто толпу влиятельных шишек согнали играть в каком-то абсурдном спектакле. «Ланьшу» и «Хунсо» никогда не будут друзьями. Я же говорю, некоторым стариканам просто нечем заняться.

Ли Жун слушал, как собеседник изливает душу. Было очевидно, что за те годы, что родители таскали его на эти рауты, у него накопился изрядный запас жалоб. Когда он закончил, Ли Жун едва заметно усмехнулся:

— Не думаю, что всё так плохо. Если бы я представлял «Хунсо», ты бы тоже отказался съесть индейку, которую я разрезал?

Тот хотел было возразить, но не сразу нашёлся с ответом. Спустя мгновение юноша сухо выдавил:

— Ну, это совсем другое.

Он хотел сказать, что им-то притворяться не нужно. Но вдруг осознал: если в будущем Ли Жун действительно пойдёт в исследовательский институт «Хунсо», а он сам и Цэнь Сяо окажутся в «Ланьшу», они всё равно останутся друзьями.

— Это будет через несколько лет, — пробурчал он, — тогда и решим.

Линь Цинь вернулся из умывальной с вымытыми помидорами черри. Войдя в класс, он привычно встал у стола Ли Жуна и глянул на него:

— Что там будет через несколько лет?

Юноша поднял голову, посмотрел на помидоры в руках Линь Циня и поманил его пальцем. Когда тот протянул коробочку, он бесцеремонно закинул пару штук в рот.

— Кислятина! — он скривился и с трудом проглотил плоды.

Линь Цинь удивился, тут же съел один и пожал плечами:

— Кислые? Да вроде нормальные.

Он ел эти черри, чтобы не сорваться с диеты — пара штук помогала приглушить голод и отлично поддерживала форму.

— Что за дрянь ты ешь? — с отвращением бросил приятель. — Завтра принесу тебе дуриан.

Линь Цинь не выдержал и закатил глаза:

— А кто тебя просил их пробовать?

Ли Жун единственный серьёзно ответил на вопрос Линь Циня:

— Мы обсуждали ежегодную встречу «Хунсо» и «Ланьшу». В этом году у меня нет права там присутствовать, а вот у Цэнь Сяо и Цзянь Фу оно есть.

Он сказал об этом совершенно спокойно, словно отсутствие приглашения не задевало рану от

потери родителей. Цэнь Сяо пристально посмотрел на него, но в классе не мог позволить себе проявить лишних эмоций.

Цзянь Фу, лишённый столь тонкой душевной организации, высказался прямо:

— С какой стати я должен тратить новогоднюю ночь на это актёрство вместо того, чтобы нормально развлекаться? — Он повернулся к Линь Циню: — Кстати, а ты как планируешь отмечать?

Линь Цинь, который уже бесчисленное количество раз вздыхал над бестактностью приятеля, был вынужден ответить:

— У нашего класса подготовки к творческим экзаменам будет симуляция собеседования. Так что мне не до праздников.

— Симуляция собеседования? — оживился парень. — Будете показывать номера?

Линь Цинь помедлил:

— Вроде того. Всё будет довольно официально.

Цзянь Фу с энтузиазмом застучал по столу:

— О, я хочу на это посмотреть! Каждый год в новостях пишут о том, как абитуриенты с треском проваливают такие собеседования.

Линь Цинь в ответ лишь промолчал. Цэнь Сяо почувствовал глухое раздражение.

— Забирай его поскорее, — бросил он Линь Циню.

Слова отказа уже готовы были сорваться с губ Линь Циня, но ему пришлось их проглотить. На самом деле он и сам не очень-то хотел... уводить этого шумного парня.

***

В новогоднюю ночь на живых изгородях вдоль дорог города А зажглись праздничные гирлянды. Атмосфера праздника ощущалась во всём. Остатки снега на земле окончательно растаяли, и в воздухе, помимо колючего холода, чувствовался едва уловимый запах сырой земли. Серые стволы деревьев были на метр побелены и чередовались с тёмно-серыми столбами фонарей, напоминая издавека узоры на шкуре зебры.

Когда Цэнь Сяо сообщил отцу, что собирается пойти на встречу, Цэнь Цин чуть не выронил чашку с чаем. К счастью, годы на посту председателя Третьего района и постоянные тренировки помогли ему быстро вернуть самообладание.

— Что ты сказал? — переспросил он.

Сын так редко бывал в Третьем районе, что охрана на входе чуть не приняла его за постороннего. Хорошо, что мимо проходил Сюй Фэн — он сразу узнал юношу и провёл его внутрь. С тех пор как Сюй Фэн имел серьёзный разговор с председателем, он смотрел на Цэнь Сяо с невольной настороженностью. Он и сам не понимал, чего именно опасается, но, как и говорил председатель, тот давно перестал быть ребёнком.

Младший Цэнь лишь усмехнулся и спокойно пояснил:

— Хочу пойти с тобой и мамой, посмотреть на светскую жизнь.

Цэнь Цин потерял дар речи. Сын теперь даже не утруждал себя тем, чтобы придумать хоть сколько-нибудь правдоподобную ложь. Председатель подал знак Сюй Фэну закрыть дверь, после чего с предельно серьёзным видом потребовал:

— Что ты задумал на самом деле?

Но чем строже он пытался казаться, тем меньше уверенности было в его сердце. Как бы сильно Цэнь Сяо ни отдалялся от него, в конечном счёте Цэнь Цину придётся встать на сторону родного сына. А он до сих пор не знал его истинных целей.

Юноша, не обращая внимания на напряжение отца, вальяжно опустился на диван в кабинете:

— Чтобы окончательно закрепиться в Девятом районе, мне всё ещё нужно принести некое доказательство верности. Схожу, выберу подходящую кандидатуру.

Цэнь Цин всё ещё стоял у своего кресла, в то время как сын уже уселся. Впрочем, председателю было не до формальностей.

— Значит, твоё требование следить за следственной группой по делу Ли Цинли тоже было ради этого доказательства? — ледяным тоном спросил он.

— Нет, — Цэнь Сяо встретил взгляд отца, не отступая под давлением его авторитета. — Это ради куда более важных вещей.

Об этих «важных вещах» он рассказывать не собирался. Его не заботило, сколько Цэнь Цин сможет разнюхать или о чём догадается. Несмотря на всю сложность отношений с родителями,

в одном он был уверен: они не желают ему смерти.

— Смотри, не подставь под удар нас с матерью, — предупредил отец.

Цэнь Сяо встал и бесстрастно ответил:

— Не волнуйся. Даже если мне придётся сдохнуть, я не потащу вас за собой.

Когда сын ушёл, Цэнь Цин бессильно опустился в кресло и устало потёр переносицу. Сюй Фэн поспешно налил ему тёплой воды:

— Председатель, что с вами?

Тот покачал головой, сделал глоток и, пытаясь унять дыхание, пробормотал:

— Не знаю почему, но в груди вдруг кольнуло.

— Наверное, вы просто переутомились, — заметил Сюй Фэн. — Как раз на сегодняшнем вечере сможете немного расслабиться.

Цэнь Цин горько усмехнулся:

— Расслабиться? Мне и с женой-то хлопот хватало, а теперь ещё и этот явится. Вечером глаз не спускай с Цэнь Сяо. Мне нужно знать, что он затеял.

***

Ежегодная встреча «Хунсо» и «Ланьшу» должна была начаться в восемь вечера в отеле «Семь звёзд», но прибыть следовало за час до начала. Погода стояла прекрасная, вечер был совершенно безветренным. В нескольких точках города А то и дело вспыхивали огни фейерверков, основные толпы горожан собрались в торговых кварталах и на пешеходных улицах — весь город погрузился в атмосферу покоя и праздника.

Этот мир казался яркой проекцией, состоящей из миллионов пикселей; в моменты ликующих криков и взрывов салютов тихие стоны боли заглушались без следа. О громком деле, сотрясавшем сеть несколько месяцев назад, почти никто уже не вспоминал. Но те, кому это было небезразлично, продолжали свой путь под покровом пёстрых ночных огней.

У стойки регистрации гостиницы «Чанхэн», расположенной прямо напротив отеля «Семь звёзд», Ли Жун протянул удостоверение личности и вежливо произнёс:

— Одну комнату, пожалуйста.

Взгляд администратора скользнул по нему, задержался на Цэнь Сяо, после чего она протянула руку к последнему:

— Господин, ваше удостоверение мне тоже понадобится.

Хотя за ними пока никто не следил, Ли Жун всё равно не хотел оставлять лишних документальных следов их связи.

— Он уйдёт через час, — пояснил юноша.

Администратор понимающе улыбнулась и твёрдо покачала головой.

— Не положено, господин. Даже если на полчаса — нужно регистрироваться. Сами понимаете, новогодняя ночь, народу много, безопасность превыше всего... Мы ко всем клиентам относимся одинаково.

Цэнь Сяо глубоко вздохнул. Ему не хотелось спорить из-за такой мелочи, поэтому он сам достал удостоверение. Закончив регистрацию, девушка вернула ключ-карту вместе с документами Ли Жуну и заботливо добавила:

— В нашем отеле не нужно приносить своё, всё необходимое есть на прикроватной тумбочке, это бесплатно. Спасибо за понимание.

Ли Жун почувствовал, как у него задёргалось веко.

— Мы не для того... — он вздохнул. — А, забудьте.

<http://bllate.org/book/15351/1428102>